

В. И. Павлов

Л. В. Павлова

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Правосубъектность «дизайнерских детей» в контексте современной антропологии права

Резюме. Ввиду развития генетической инженерии наука получила возможность вторгаться в естественный природный процесс зарождения и развития человека, формирования его личностной идентичности. Наблюдаются фундаментальные изменения в антрополого-правовых понятиях, в частности в понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности. Применение традиционных конституционно-правовых норм, закрепляющих первые (классические) поколения прав человека, к отношениям, касающимся конвергентных технологий, не всегда релевантно и носит противоречивый характер. Например, в связи с разработкой технологии CRISPR/Cas9 актуализирована проблема определения правосубъектности так называемых дизайнерских детей. Данная технология позволяет генетикам редактировать части генома зародышевой линии человека путем удаления, добавления или изменения в нем последовательности участков ДНК. Вместе с тем в родительском «заказе» определенных соматических свойств ребенка имеется риск удовлетворения родительских притязаний, содержащих потенциальный вред разнопланового характера для самого ребенка, его личностной идентичности. Авторы поддерживают развитие подхода, согласно которому общим принципом защиты правовой личности ребенка, который появляется на свет с использованием репродуктивных технологий, должно выступать признание его в качестве слабой стороны в правоотношениях, осложненных генетически-инженерным элементом. Исследование позволяет в целом подчеркнуть в антрополого-правовой методологии взаимосвязь и одновременно различие субъектно-правового и личностного-правового уровней человеческого присутствия в праве. Попытка модифицировать природу человека, повлиять на личностно-правовой уровень человеческого существования указывает на насущную необходимость применения базовых культурных, биоэтических и иных оснований и ценностно-нормативных регуляторов для адекватного и эффективного правового регулирования.

Ключевые слова: антропология права; личность; новые конституционно-правовые формулы; технологии редактирования генома человека; правосубъектность «дизайнерских детей»

Для цитирования: Павлов В. И., Павлова Л. В. Правосубъектность «дизайнерских детей» в контексте современной антропологии права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 127–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.127-142

Legal Personality of «Designer Babies» in the Context of Modern Legal Anthropology

Vadim I. Pavlov

Lyudmila V. Pavlova

National Center for Legislation and Legal Information
of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Advances in genetic engineering have enabled science to intervene in the natural processes of human conception, development, and the formation of personal identity. These developments are driving fundamental shifts in legal anthropology, particularly in the understanding of human life as an absolute legal value. The application of traditional constitutional and legal norms that enshrine the first (classical) generations of human rights to relationships involving convergent technologies is often inadequate and fraught with contradictions. For instance, the emergence of CRISPR/Cas9 technology has brought to the forefront the issue of defining the legal personality of so-called «designer babies». This technology allows geneticists to edit parts of the human germline genome by deleting, adding, or altering DNA sequences. However, parental «customization» of a child's somatic traits raises concerns about fulfilling parental demands that may carry potential harm of various kinds to the child and their personal identity. The authors advocate for an approach where the overarching principle in protecting the legal personality of children born via reproductive technologies should be the recognition of their status as the vulnerable party in legal relations complicated by genetic engineering. The study highlights, within legal anthropological methodology, both the interconnection and the distinction between the subject-level and personhood-level dimensions of human presence in law. Attempts to modify human nature and influence the personhood-level of existence underscore the urgent need for foundational cultural, bioethical, and normative frameworks to ensure adequate and effective legal regulation.

Keywords: legal anthropology; personality; new constitutional and legal formulas; human genome editing technologies; legal personality of «designer children»

Cite as: Pavlov VI, Pavlova LV. Legal Personality of «Designer Babies» in the Context of Modern Legal Anthropology. *Lex russica*. 2025;78(8):127-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.127-142

Введение. На современном этапе развития юридической науки и практики одной из ключевых проблем является эффективная правовая защита человека. Всё большую актуальность приобретают не столько традиционные механизмы защиты личности в контексте либерально ориентированной методологии, но и защита природы человека в свете интенсивного развития современных конвергентных технологий и связанных с ними идей трансгуманизма. Конвергентные (НБИКС) технологии представляют собой новый уровень воздействия нано-, био-, информационно-коммуникационных и когни-

тивных технологий на человеческий организм, следствием чего становится принципиальная трансформация природы человека¹. Развитие конвергентных технологий приводит к возникновению в юриспруденции множества новых проблем, касающихся правовых аспектов генной инженерии, клонирования, трансплантации органов и тканей, чип-имплантации, формирования четвертого, пятого и последующих поколений прав человека, развития нейронаук, биоэтики и т.д.² В целом в изменениях, которые происходят под влиянием современных технологий в социальном и общественно-поли-

¹ Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция. М. : ИФ РАН, 2016 ; Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 229.

² Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 2. С. 111–134 ; Савина С. В. Процесс изменения психики человечества в процессе эволюции техногенной цивилизации: вопросы психолого-этических дилемм, созданных рядом имплантатов информационно-коммуникационных технологий // Право и практика. 2015. № 1. С. 125–134 ; Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 85–95.

тическом сознании относительно понимания «нормы» в человеческой сущности (природе) и поведении, не последнюю роль играет и сама модель «человека юридического». Из относительно недавних ярких примеров коренных изменений — одобрение (легализация) однополых браков в Греции, стране с древнейшей православной культурой. Допустимость произошедшего соответствует модели «человека юридического», что основывается на постулатах новоевропейской рационалистической методологии, отождествляющей сущность человека с его разумом и защищаемым притязанием, обеспечиваемыми доктриной верховенства права, приоритетом прав и свобод человека.

1. Право и трансгуманизм. Традиционно право ориентируется на предметную область, которая связана не с телесным, а с сознательно-волевым уровнем существования человека, при котором тело рассматривается не автономно, а в единстве с сознанием и волей либо же выступает объектом правовой охраны. Однако современные взгляды на человека, формирующиеся в западном дискурсе нередко под влиянием трансгуманистических идей, направлены на дальнейшее развитие и радикализацию методологических положений новоевропейского гуманизма в различных сферах жизнедеятельности социума. В отличие от классического гуманизма, который признавал за человеком как рациональной субстанцией гносеологическое и онтологическое совершенство, трансгуманизм, напротив, основывается на утверждении несовершенства и ограниченности человеческой природы, физиологических и интеллектуальных свойств человека (символ трансгуманизма — «Н+», означающий устремленность к постчеловеку)³. Преодоление этого несовершенства путем использования достижений конвергентных технологий и составляет программу трансгуманизма. Ориентация на «доработку» именно материальной субстанции человека, то есть его тела, обусловлена идеей возможного преодоления несовершен-

ства человеческой природы с помощью НБИК-технологий вплоть до достижения человеческого бессмертия. Как отмечают исследователи, новый трансчеловек (или постчеловек) «будет обладать сверхразумом, сверхспособностями, в нем будут преобладать всякого рода импланты, существо будет бесполом, размножаться будет искусственным путем и будет существовать в нескольких образах — биологическом, техническом, информационном, цифровом. Человек, по сути, должен будет преодолеть свою человеческую природу»⁴.

Совершенствование человека только на уровне телесности без учета развития его личностных свойств — свободы, воли, ценностей, совести, смысловой среды и т.д., которые традиционного идентифицировались с человеком как личностью, — позволяет рассматривать предметную область трансгуманизма в качестве усеченной: под человеком в данной концепции понимается прежде всего его телесный состав, который выдвигается на первое место. Как подчеркивает Н. Н. Ростова, «трансгуманизм своим предметом имеет не человека, а его организм, то есть нечеловеческое в человеке»⁵. Идея усовершенствования человека в обход его личностных свойств объединяет трансгуманизм с более широким направлением мысли — постгуманизмом, обосновывающим завершение эпохи человеческой исключительности и отказ от признания центрального положения человека в мире, утверждающим равнозначность существования любого элемента мира, что нивелирует саму идею человека⁶. Д. А. Юмартов полагает, что «постгуманизм использует внеантропоцентрическую риторику для описания картины мира, в которой человек не имеет генерализирующей или направляющей роли в различных системах отношений. Постгуманизм расширяет поле субъективности, снимая уникальность человека и включая животных, иную органику, технику, искусственный интеллект в познание, культуру, право»⁷. К линии постгуманистических концепций наряду

³ Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Сусляковой. 6-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020.

⁴ Гречкина Е. Н. Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 35.

⁵ Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография. М. : Проспект, 2022. С. 22–23.

⁶ Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма... С. 18.

⁷ Юмартов Д. А. Инклюзивность как основной принцип постгуманизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2021. № 4 (40). С. 118.

с трансгуманизмом относятся метагуманизм, ингуманизм, нечеловеческие антропологии, новый материализм и др.⁸ В трансгуманизме нередко проявляются и мотивы «новой», «либеральной» евгеники⁹, предполагающей использование НБИК-технологий, особенно генетической инженерии, для конструирования человеческого организма с целью его нетерапевтического «улучшения» и следующей из этого селекции человеческого общества. Как отмечают И. Ю. Алексеева и В. И. Аршинов, особенно активно идея «улучшения» человека, «человеческой функциональности» (improving human performance), или «расширения человека» (human enhancement), стала развиваться после 2001 г., когда она была признана одной из целей развития NBIC-инициатив, сформулированных Национальным научным фондом США в том же году¹⁰. О. В. Попова в свете этого констатирует, что современный подход к репрезентации человеческой телесности в дискурсе о биополитике как биотехнологическом конструировании человека, находящемся под влиянием либерализма как господствующего типа мышления, определяет человека в качестве объекта биотехнологического преобразования¹¹.

2. Правосубъектность «дизайнерских детей»: суть проблемы. В последние годы одной из обсуждаемых правоведами проблем, связанных с развитием генной инженерии и имеющих трансгуманистические мотивы, стала проблема определения *правосубъектности*

так называемых дизайнерских детей. Данная проблема возникла ввиду разработки технологии CRISPR/Cas9, которая позволяет генетикам редактировать части генома зародышевой линии человека путем удаления, добавления или изменения в нем последовательности участков ДНК¹². Редактирование генома стало возможным благодаря развитию генетической инженерии и молекулярной биологии, а также накоплению большого объема генетической информации, включая создание банков образцов ДНК. Нетерапевтическое редактирование генома имеет явные евгенические коннотации и нередко используется для обоснования трансгуманистических идей, вызывая медицинские, биоэтические и множество других проблем¹³. Юридические проблемы в этом отношении также разнообразны, однако центральным является антрополого-правовой вопрос о том, что происходит с личностью человека как правовым деятелем в процессе генно-инженерного вмешательства. Например, как верно замечает Е. Е. Богданова, «представляется, что практика по отбору эмбрионов в значительной мере приводит к объективизации человека, восприятию его в качестве объекта, что, по мнению большинства авторов, несовместимо с достоинством, которым обладает каждый человек, с самой его природой»¹⁴.

Насколько известно, практика редактирования генома началась с эксперимента в университете имени Сунь Ятсена в Гуанчжоу (Китай) в 2015 г.¹⁵ Исследователи, используя технологию

⁸ Ростова Н. Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 55.

⁹ Rembis M. (Re)Defining disability in the “genetic age”: behavioral genetics, “new” eugenics and the future of impairment // Disability & Society. 2009. Vol. 24. No. 5. P. 586–588 ; Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Весь мир, 2002. С. 93.

¹⁰ Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Указ. соч. С. 118.

¹¹ Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2018. С. 29.

¹² Склеина М. А., Бирюкова Н. В. Наиболее используемые методы редактирования генома человека и различные аспекты их применения в современной медицине // The Scientific Heritage. 2021. № 66. P. 45–50 ; Пестрикова А. А. Преимущества и риски редактирования генома человека — правовой аспект // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4. С. 65–75.

¹³ Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика в Российской Федерации: этико-правовые проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т. 25. № 1. С. 188.

¹⁴ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 42.

¹⁵ CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human triploid zygotes / Puping Liang, Yanwen Xu, Xiya Zhang [et al.] // Protein Cell. 2015. № 6. P. 363–372.

CRISPR/Cas9, произвели модификацию гена человеческого эмбриона, ответственного за такое наследственное заболевание, как бета-талассемия. В 2018 г. мировую известность получил случай редактирования генома китайским биофизиком Хэ Цзянькуем, модифицировавшим геном зачатых с помощью ЭКО девочек-близнецов Лулу и Нана с целью развития иммунитета к ВИЧ (третий ребенок — Эми, геном которого также был отредактирован Хэ Цзянькуем, родился в Китае в 2019 г.)¹⁶. Этот случай вызвал негативную редакцию мирового научного сообщества генетиков, а также привлек внимание правоохранительных органов Китая. В уголовном законодательстве был выявлен пробел, после чего законодатель дополнил Уголовный кодекс КНР статьей 336-1, предусматривающей уголовную ответственность за «внедрение генетически модифицированных или клонированных эмбрионов человека в организм человека или животных либо имплантацию генетически измененных или клонированных эмбрионов животных в организм человека при отягчающих обстоятельствах» (вступил в силу с 1 марта 2021 г.)¹⁷. Сам Хэ Цзянькуй был привлечен к уголовной ответственности по ст. 336 Уголовного кодекса КНР и приговорен к трем годам лишения свободы и штрафу в размере 3 млн юаней (422 500 долл. США) за осуществление незаконной медицинской практики¹⁸. В апреле 2022 г. Хэ Цзянькуй освобожден из мест лишения свободы и продолжил заниматься научной деятельностью в сфере генной инженерии.

Вместе с тем ученые утверждают, что с сугубо научной точки зрения эксперимент Хэ Цзянькуя не соответствовал заявленным целям. В частности, генетикам не удалось избежать мозаицизма (сосуществование в одном теле клеток с разным геномом) — у одной из сестер были удалены 15 нуклеотидов в одной копии гена, но другая копия изменена не была, часть клеток оказалась неотредактированной, что может в последующем привести к случайным нецелевым мутациям и отразиться на здоровье целых поколений¹⁹.

Резонанс в сообществе генетиков вызывают и случаи генно-инженерного биохакинга (bio — относящееся к биологии, жизнь; hacking — взлом)²⁰ — любительского применения технологии редактирования генома CRISPR/Cas9 соматической клетки для улучшения человеческого организма. Движение биохакинга получило наименование DIY biology (англ. Do-It-Yourself biology) в связи с особой этикой научного творчества биохакеров (биопанков, гриндеров, от англ. grinder — шлифовщик), направленной на открытость и доступность научной деятельности для исследователей неинституционализированной науки в рамках биотехнологий²¹. Биохакинг также нередко развивается в контексте смыслового поля трансгуманизма и евгеники. В 2016 г. американский биолог Дж. Зайнер с использованием технологии CRISPR/Cas9 изменил свой ДНК путем введения в организм флуоресцентного гена²². Впоследствии исследователь на базе созданной им корпорации Odin раз-

¹⁶ *Сергеев Д. Н.* Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2019. № 5. С. 5–13.

¹⁷ P. R. C. Criminal Law: Eleventh Amendment of 26.12.2020 // China Law Translate. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/criminal-law-amendment-11> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁸ *Song L., Joly Y.* After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms // Medical Law International. 2021. Vol. 21. Iss. 2. P. 174–192.

¹⁹ Что изменил эксперимент с «генно-редактированными» детьми? (21 декабря 2021 г.) // Научно-просветительская интернет-платформа «Homo Science». URL: <https://homo-science.ru/post/chto-izmenil-eksperiment-s-genno-redaktirovannymi-detmi-obyasnyаем-v-chetyreh-kartochkah> (дата обращения: 16.03.2023) ; *Пестрикова А. А., Холопова Е. Н.* Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 51.

²⁰ *Петров К. А.* Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // Logos et Praxis. 2019. № 4. С. 13.

²¹ *Филатова А. А.* DIY biology: переустанавливая границы науки // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 56 ; *Schmeink L.* Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society and Science Fiction. Liverpool : Liverpool University Press, 2016.

²² *Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р.* «Улучшение человека» и нейротика: редактирование генома: опасность стигматизации и расслоения общества // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 1. С. 119.

работал набор для генного редактирования «Измени свои гены сам», предполагающий пошаговое руководство по самостоятельному домашнему генетическому изменению своего организма с помощью технологии CRISPR/Cas9. Как реакция на это — Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов США запретило продажу этого изделия²³. На постсоветском пространстве наибольшую известность приобрели эксперименты российского биохакера С. Фаге, однако его деятельность на настоящем этапе осуществляется в рамках концепции продления жизни без редактирования генома²⁴. Как отмечают исследователи, несмотря на то что генно-инженерный биохакинг связан только с модификацией соматических клеток, тем не менее он может распространиться и на генеративные клетки и вызвать передачу модифицированных генов следующим поколениям²⁵.

3. Правовое регулирование нетерапевтического редактирования генома. На современном этапе правовое регулирование нетерапевтического редактирования генома на международном и национальном уровнях осуществляется посредством международных договоров, разработки рекомендательных актов международных организаций, в том числе использования инструментов «мягкого» права — резолюций, директив, рекомендаций и т.д. Общая тенденция — запрет на вмешательство в зародышевую линию человека, а также запрет на клонирование человека. Между тем вопрос о развитии генетической инженерии связан с технологическим развитием государств, которые опасаются технологического отставания в мировой экономической системе. Неслучайно лидерами в части инвестирования научно-исследовательской деятельности во всей сфере НБИК-технологий и достаточно либерального законодательства в части их проведения явля-

ются США, Китай и другие технологически развитые страны.

Внимание к правовой регламентации редактирования генома человека усилилось после эксперимента Хэ Цзянькуя, хотя и до этого эксперимента был принят ряд важнейших актов в сфере генетической инженерии. В 1997 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО принята Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека²⁶. В статье 1 Декларации закреплено положение о геноме как достоянии человечества. Личность человека, согласно ст. 2, «не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости». Статья 4 вводит запрет на стоимостной подход к геному, но только в его «естественном состоянии», статья 11 — запрет на клонирование человека, которое рассматривается как противоречащая человеческому достоинству практика. Вместе с тем в данной Декларации содержится положение о необходимости развития науки в области биологии, генетики и медицины, касающееся генома человека, утверждается принцип «свободы проведения научных исследований» при обеспечении «должного уважения и достоинства прав каждого человека» (ст. 12). Положение о том, что цели прикладных исследований в области генетической инженерии «заключаются в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья каждого человека и всего человечества» (п. «b» ст. 12), имеет биоэтические и евгенические коннотации и, по сути, предоставляет неограниченные возможности для научных исследований в области редактирования генома человека. В России по этому поводу принят Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»²⁷.

Важное значение для международной практики правового регулирования в сфере редак-

²³ Зотов А. В., Филипенко В. А. Биохакинг: преимущества, проблемы, перспективы // Наука молодых — будущее России : сборник научных статей 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 8 т. Т. 4. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 392.

²⁴ Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов / Е. А. Поздеева, А. Н. Мелентьев, О. Н. Руссу [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200.

²⁵ Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р. Указ. соч. С. 120.

²⁶ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (ред. от 29.03.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

тирования генома человека имеет Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 06.07.1998 № 98 «О правовой защите биотехнологических изобретений»²⁸, регламентирующая вопросы патентного права применительно к человеческому геному:

— в ч. 1 ст. 5 провозглашается, что тело человека, а также простое открытие одного из его элементов, включая последовательность или частичную последовательность генов, не может представлять собой патентоспособное изобретение;

— в ч. 2 ст. 5 допускается патентоспособность, то есть юридическая объективация искусственно полученного генома, даже в том случае, если его структура «идентична структуре естественного элемента»;

— частью 2 ст. 6 предусмотрено признание непатентоспособными процессов клонирования человека, модификации зародышевой линии генетической идентичности человека, а также использования человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях.

С 1 декабря 1999 г. в ряде государств Совета Европы и некоторых других присоединившихся государствах действует Конвенция о правах человека и биомедицине (Республика Беларусь и Российская Федерация не участвуют)²⁹. Статья 13 указанной Конвенции устанавливает запрет на «вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, кроме профилактических, диагностических или терапевтических целей и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека», то есть это положение устанавливает запрет на вмешательство в зародышевую линию человека; статья 14 запрещает выбор пола при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, статья 18 — создание эмбрионов человека *in vitro* в исследовательских целях.

В 2021 г. Всемирная организация здравоохранения опубликовала первые международные рекомендации по редактированию генома

человека³⁰. Рекомендации имеют целью создание организационно-правовой структуры по безопасному, эффективному и этически приемлемому использованию технологии CRISPR/Cas9 для разработки способов лечения человека в системе общественного здравоохранения. Определены риски бесконтрольного использования практики редактирования генома, предложено создание единого реестра экспериментов по геномному редактированию (the global human genome editing registry), уделено внимание системе анонимного информирования о незаконных экспериментах и иным вопросам.

Несмотря на предпринимаемые усилия по правовому регулированию отношений в сфере редактирования генома и введение ограничений, направленных на недопустимость нарушения биоэтических и иных норм, практики «улучшения» человека в контексте «дизайна» человека с помощью технологии CRISPR/Cas9 всё же не имеют однозначной оценки. Один из дискуссионных вопросов в контексте появления «дизайнерских детей» — выбор пола будущего ребенка, что с позиции права связано с проблемой определения его правосубъектности. Как отмечено выше, международные акты и некоторые национальные правовые акты запрещают выбор пола ребенка. В частности, такой запрет установлен статьей 15 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Однако существует и другой подход к этой проблеме. В. В. Лапаева, сопоставляя законодательство США, где разрешена селекция эмбрионов по полу с целью обеспечения гендерного баланса, с аналогичным запретом в законодательстве России, считает последний необоснованным. Со ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ утверждается, что, «проектируя» пол ребенка, родители не нарушают его конституционную свободу — «достоинство и самоидентификацию личности ребенка», при этом соблюдаются гендерный баланс и «репродуктивная свобода семьи»³¹. Полагаем такую позицию недоста-

²⁸ Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 98/44/ЕС от 06.07.1998 «О правовой защите биотехнологических изобретений» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164), заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. (с изм. от 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing. Human Genome Editing: recommendations // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030381> (дата обращения: 20.03.2023).

³¹ Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика... С. 189.

точно обоснованной, поскольку ни сама личность будущего ребенка, ни свобода как личностно-правовое свойство еще не проявлены и не актуализированы.

Ввиду развития генетической инженерии наука получила возможность вторгаться в естественный природный процесс зарождения и развития человека, вследствие чего *применение традиционных конституционно-правовых норм, закрепляющих первые (классические) поколения прав человека, к отношениям редактирования генома носит противоречивый характер*. Фактически использование приведенной конституционно-правовой аргументации в контексте генетического дизайна нерелевантно. Предоставление права либо установление запрета на модификацию какой-либо составляющей человеческой природы, касающейся правосубъектности будущего ребенка и его правовой личности (пола, сконструированного иммунитета к определенным заболеваниям при применении технологии CRISPR/Cas9 и т.д.), затрагивает ряд значимых аспектов — антрополого-правовых, биоэтических, моральных, иных, — которые и должны в современных условиях определять развитие права и *новые конституционно-правовые формулы*.

В данном направлении проводятся исследования, например предлагается разработка юридического биоконституционализма³², обосновывается особый статус репродуктивных прав как новой группы субъективных прав³³, ставится вопрос о пределах вмешательства государства в права родителей по использованию ими репродуктивных технологий для рождения «дизайнерских детей» и т.д.³⁴ Вместе с тем в силу формально-юридической невозможности достижения правового равенства между эмбрионом и родившимся ребенком как субъек-

том права полномочия родителей в отношении «дизайнерского эмбриона» на настоящем этапе шире, чем их подобные полномочия по отношению к родившемуся ребенку, что содержит потенциальные риски для правосубъектности личности «дизайнерского ребенка». Важно и то, что неполнота правового регулирования технологии CRISPR/Cas9 на современном этапе обусловлена и относительной степенью научной разработанности этой технологии.

Всё большее распространение получает подход, согласно которому *общим принципом защиты правовой личности ребенка, который появляется на свет с использованием репродуктивных технологий, является признание его в качестве слабой стороны в правоотношениях, осложненных генетически-инженерным элементом*. Представляется аргументированной позиция Е. Е. Богдановой, констатирующей, что в настоящее время семейное законодательство не определяет правовой режим эмбриона и не рассматривает его в качестве субъекта права³⁵, и отмечающей необходимость предусмотрения в законодательстве повышенной правовой защиты и приоритетности интересов ребенка, родившегося с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, с признанием его слабой стороной в правоотношениях по редактированию генома³⁶. Обеспечение указанного подхода возможно при уделении с позиции права должного внимания эмбриону человека, планируемому к рождению. В рамках общетеоретического подхода высказано предложение о рассмотрении эмбрионов *in vitro* в качестве особой модели правовой субъектности — «потенциального лица в праве»³⁷. Рекомендуются к использованию и такая категория, как «потенциальная автономия ребенка» (Д. Дэвис), которой должен быть отдан приоритет при конфликте с фактической

³² Кравец И. А. Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 11–15.

³³ Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 72–94.

³⁴ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 32–46.

³⁵ Богданова Е. Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.

³⁶ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 34–35, 44–45.

³⁷ Павлов В. И., Павлова Л. В. Модификация правосубъектности человека под влиянием конвергентных технологий: проблема правовой идентификации эмбрионов *in vitro* // Право.ру. 2023. № 3. С. 99–108. С. 102.

родительской автономией в целях обеспечения в дальнейшем права ребенка на благополучное развитие³⁸.

Позиция недостаточной правовой защищенности «дизайнерского ребенка» связана не только с тем, что он не может непосредственно проявить свои личностно-правовые свойства физически (наподобие лица, признанного недееспособным вследствие психического расстройства (заболевания), пребывания в бессознательном состоянии по причине заболевания), но и с тем, что в родительском «заказе» определенных соматических свойств ребенка имеется *риск удовлетворения родительских притязаний, содержащих потенциальный вред разнопланового характера для самого ребенка*. Такие притязания могут, во-первых, противоречить природной направленности зарождения жизни их ребенка, во-вторых, нарушать личностную идентичность будущего человека, в-третьих, нарушать права поколений данного рода, конкретного народа и человечества в целом, в-четвертых, создавать проблему антропологической селекции, дискриминации и человеческого неравенства. Как отмечает С. Барух, притязание родителей на «заказ» определенной половой идентичности может привести к ошибке родительских ожиданий, из-за которой возникнет непонимание между родителями и ребенком (например, родители, планируя мальчика, представляли, что он будет любить мальчишеские игры, но он вполне может предпочесть игры для девочек и т.д.)³⁹. Соответственно, рассматриваемый экзистенциальный вред для личности «дизайнерского ребенка» может наступить на почве субъективных желаний родителей, что также подтверждает необходимость закрепления сбалансированных правовых ограничений для правоотношений, осложненных генетически-инженерным элементом. В ином случае может произойти трансформация сути самих детско-родительских отношений, а в дальнейшем — и общества в целом. При этом в ситуации причинения родителями вреда ребенку редактиро-

ванием его генома суду будет сложно доказать и сам факт противоправности избрания тех или иных характеристик.

Редактирование генома зародышевой линии человека приводит к фундаментальным сдвигам в базовых правовых принципах человеческой автономии и равенства людей. Как отмечает Ю. Хабермас, генетический дизайн умаляет статус будущей правовой личности, которая, узнав о своем генно-инженерном проектировании, «станет испытывать трудности с тем, чтобы понимать себя в качестве автономного и равного по происхождению члена ассоциации свободных и равных личностей»⁴⁰. Верно подчеркивается, что вред в данном случае состоит не в лишении прав, а в дестабилизации статусного сознания носителя прав: «взрослеющего человека преследует опасность вместе с осознанием контингенции своего природного происхождения лишиться ментального условия для допуска к статусу, благодаря которому он как наделенная правами личность только и может получить действительное наслаждение от равноправия»⁴¹. Иными словами, редактирование генома вторгается в формирование личностной идентичности человека.

4. Исковая защита в рамках «репродуктивных деликтов». Использование родителями технологии рождения «дизайнерских детей» может привести к тому, что совершеннолетний ребенок в случае причинения ему вреда по разным причинам (неудачное применение репродуктивной технологии, непредвиденная мутация генов и пр.) потребует от отца и матери возмещения вреда в судебном порядке. В зарубежной практике такие дела получили название *репродуктивных деликтов*, предполагающих предъявление особых видов исков: о неправомерном зачатии / неправомерной беременности (англ. *wrongful conception / wrongful pregnancy*), неправомерном рождении (англ. *wrongful birth*), неправомерной жизни (англ. *wrongful life*)⁴². Иски первой группы обусловлены нарушением учреждением здравоохранения права родителей на отказ от

³⁸ Привод. по: Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 36.

³⁹ Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease // Houston Journal of Health Law & Policy. 2008. Vol. 8. P. 257.

⁴⁰ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

⁴² Дженовезе У., Ломбардо К., Акулин И. М., Чеснокова Е. А. Нежеланное рождение ребенка в правовой системе Италии: между правом и общественным сознанием // Журнал акушерства и женских болезней. 2016. № 1. С. 87–94 ; Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global

рождения ребенка ввиду различных медицинских ошибок по ведению и прерыванию беременности, не связанных с генно-инженерной деятельностью; вторая разновидность исков — требования родителей к учреждениям здравоохранения в связи с ошибками предимплантационной генетической диагностики и другими ошибками генно-инженерного характера; последняя — предъявление ребенком с генетическими особенностями (дефектами) требования о компенсации вреда к своим родителям.

В то время как иски к учреждениям здравоохранения в судебной практике нередко подлежат удовлетворению, третий вид исков достаточно редко удовлетворяется судами, которые исходят из того, что «жизнь, отягощенная недостатками, всё же лучше, чем ее отсутствие»⁴³. Тем не менее аргументация некоторых судебных решений по репродуктивным деликтам выявляет явный внеюрисдикционный характер данной сферы отношений и необходимость решения базовых антрополого-правовых и биоэтических вопросов в правовом порядке. Для дальнейшего рассмотрения обозначенных в настоящей статье проблем приведем примеры из зарубежной судебной практики. Так, Кассационный суд Италии в 2012 г. вынес решение по делу о непрофессионально проведенной пренатальной диагностике, вследствие которой врач не сообщил родителям о риске рождения ребенка с синдромом Дауна⁴⁴. Иск родителей к учреждению здравоохранения о неправомерном рождении и выплате денежной компенсации был удовлетворен. Получили компенсацию также братья и сестры родившегося ребенка — ввиду того что присутствие в семье ребенка с инвалидностью лишает их права на нормальную семейную жизнь; и указанный ребенок с синдромом Дауна — по формуле иска о неправомерной жизни на основании того, что при взвешивании двух ценностей — жизни с инвалидностью и права на здоровье, связан-

ное «с отсутствием боли и страданий», — суд, очевидно, отдал приоритет последней ценности, имплицитно включающей в себя «право не быть рожденным». Italianские исследователи в целом склоняются к использованию «позитивной (терапевтической) евгеники» в части расширения доступа родителей к редактированию генома и «дизайну» детей на основании желания родителей «избежать генетически обусловленных заболеваний», исключая, однако, «негативную евгенику», предполагающую родительский отбор по желаемым фенотипическим признакам с целью «улучшения» ребенка⁴⁵.

Полагаем, что попытка дифференциации «негативной» и «позитивной» евгеники является проблематичной, поскольку в большинстве случаев наличие генетической предрасположенности к наследственному заболеванию имеет прогностический, вероятностный, а не абсолютно детерминистский характер. Решение ЕСПЧ от 28.08.2012 по делу № 54270/10 «Коста и Паван против Италии» (Costa and Pavan v. Italy) показывает, что при выявлении в геноме родителей определенного заболевания (например, в данном деле — муковисцидоза), независимо от достоверности диагностического прогноза, родители в большинстве случаев предпочитают отказ от беременности и, следовательно, уничтожение эмбриона на стадии генетического скрининга в силу рисков заболевания ребенка⁴⁶. Поэтому следует констатировать противоречивый характер признания исков о неправомерной жизни, а также отсутствие единства в правовой доктрине относительно теории и практики взвешивания судами таких конкурирующих, интерпретируемых в качестве правовых ценностей состояний, как нерождение и рождение с инвалидностью; достойная жизнь и жизнь с инвалидностью; интересы родителей, включающие комфортную жизнь, и право ребенка на рождение и т.д. Как верно отме-

view of bioethical and legal controversies / P. Frati, V. Fineschi, M. Di Sanzo [et al.] // Human Reproduction Update. 2017. № 23 (3). P. 338–357 ; Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 39.

⁴³ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 39.

⁴⁴ The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: "wrongful life" actions, a new frontier of medical responsibility / P. Frati, M. Gulino, E. Turillazzi [et al.] // The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine. 2014. № 27 (11). P. 1113–1117.

⁴⁵ The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis / E. Turillazzi, P. Frati, F. P. Busardò [et al.] // Medicine, Science and the Law. 2015. № 55 (3). P. 199.

⁴⁶ Дело «Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии» (жалоба № 54270/10): постановление ЕСПЧ от 28.08.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

чает Б. ван Беерс (B. van Beers), использование только формально-юридической аргументации на основе разработки искусственных юридических конструкций в случае «исков о неправомерном рождении и жизни» превращает право «в головокружительный юридический зеркальный зал: чем больше мы вглядываемся в него, тем больше теряем представление о том, где заканчивается наше природное и искусственно-технологическое “я” и где начинается наше правовое “я”... правовая личность в ее радикально искусственной версии, по-видимому, становится копией без оригинала, симулякром»⁴⁷.

5. Изменения (сдвиги) в фундаментальных правовых понятиях. В связи с появившейся возможностью редактирования генома наблюдаются фундаментальные сдвиги и в антрополого-правовых понятиях, в частности в самом понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности, что влечет и трансформацию конституционного права на жизнь. Исследователи утверждают, что современной тенденцией практического понимания права на жизнь является именно «право на достойную жизнь без чрезмерной боли и страданий и при наличии минимальной степени автономности»⁴⁸. На первый план выходит не сама жизнь человека как ценность, а качество жизни, в результате чего допущение идеи о нецелесообразности человеческой жизни в определенных случаях приводит к выводу о приоритетности не быть рожденным, чем быть живым, что и с правовой, и с этической точки зрения недопустимо. Парадоксально, но указанной идеей также умалются возможности и мотивация позитивного научно-технического (включая медицинское, реабилитационное и др.) развития. Вслед за трансформацией понимания права на жизнь изменяются и традиционные представления о здоровье, болезни, инвалидности и т.д.⁴⁹, влекущие и смещение в понимании социальной нормальности как таковой путем распространения новой концепции социальной инклюзии,

направленной на исправление якобы «неправильной организации общества»⁵⁰. Для национального права данные тенденции представляют угрозу антрополого-правового характера.

Заключение. Анализ возможностей генно-инженерных технологий в их влиянии на становление новых форм правовой субъектности позволяет выявить неразрывную связь антрополого-правовых, формально-юридических и технологических факторов при конструировании любых моделей правовой персональности. Воздействие на человеческую телесность в рамках технологии редактирования генома приводит к тому, что традиционные юридические механизмы защиты человека на уровне охраны его конституционных прав и свобод как природных притязаний носят противоречивый характер. По сути, применение традиционной конституционно-правовой аргументации в контексте генетического дизайна становится нерелевантным либо по крайней мере затрудненным.

Предоставление права либо установление запрета на модификацию какой-либо составляющей человеческой природы, касающейся правосубъектности будущего ребенка и его личности (пол, цвет глаз, цвет волос, сконструированный иммунитет к определенным заболеваниям вследствие применения технологии CRISPR/Cas9 и т.д.), затрагивает антрополого-правовые, биоэтические и моральные аспекты, которые и должны определять новые конституционно-правовые формулы. Нужно учитывать, что риск технологии редактирования генома связан с вторжением в формирование личностной идентичности человека. Как показано выше, с учетом появившейся возможности редактирования генома наблюдаются и фундаментальные изменения (сдвиги) в антрополого-правовых понятиях, в частности в самом понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности, что влечет и трансформацию конституционного права на жизнь. Для восточнославянских правовых систем эти

⁴⁷ Beers B. van. The Changing nature of law's natural person: the impact of emerging technologies on the legal concept of the person // German Law Journal. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 592.

⁴⁸ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 42.

⁴⁹ Павлов В. И. Идея социальной инклюзии в юридическом дискурсе: методологический статус и вариативность понимания // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сборник науч. трудов / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2023. Вып. 5. С. 67–78.

⁵⁰ Руководство по инклюзивной коммуникации на тему инвалидности // Интернет-сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2204195_r_undis_communication_guidelines.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

тенденции представляют явную угрозу антрополого-правового характера, то есть требуется надлежащая правовая защита как в методологическом аспекте, так и в практическом.

В антрополого-правовой методологии подчеркиваются необходимая взаимосвязь и одновременно различие субъектно-правового и личностного-правового уровней человеческого присутствия в праве. Попытка модифицировать природу человека, в особенности его телесность, и, следовательно, повлиять на личностно-правовой уровень человеческого существования требует от правопорядка поиска базовых

биоэтических оснований, дающих ориентиры для ограничения рисков и установления пределов технологического вмешательства в природу человека. Стоит согласиться с В. В. Лапаевой, указывающей, что для предотвращения рисков неконтролируемого применения конвергентных технологий, ведущего к расколу общества и деградации человечества как биосоциального сообщества, могут быть использованы «духовный потенциал, заложенный в разные типы христианского мировоззрения, а также те проверенные веками ценностно-нормативные регуляторы, которыми располагает церковь»⁵¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция. М. : ИФ РАН, 2016. 196 с.

Богданова Е. Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.

Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1 (11). С. 32–46. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046.

Гречкина Е. Н. Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 34–37.

Дженовезе У., Ломбардо К., Акулин И. М., Чеснокова Е. А. Нежеланное рождение ребенка в правовой системе Италии: между правом и общественным сознанием // Журнал акушерства и женских болезней. 2016. № 1. С. 87–94.

Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов / Е. А. Поздеева, А. Н. Мелентьев, О. Н. Руссу [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200.

Зотов А. В., Филипенко В. А. Биохакинг: преимущества, проблемы, перспективы // Наука молодых — будущее России : сборник научных статей 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 8 т. Т. 4. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 389–393.

Кравец И. А. Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 11–15.

Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Сусляковой. 6-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 383 с.

Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 85–95.

Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 2. С. 111–134.

Лапаева В. В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 14–26.

Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика в Российской Федерации: этико-правовые проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т. 25. № 1. С. 179–197.

⁵¹ Лапаева В. В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 24.

Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р. «Улучшение человека» и нейроэтика: редактирование генома: опасность стигматизации и расслоения общества // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 4. № 1. С. 111–134.

Павлов В. И. Идея социальной инклюзии в юридическом дискурсе: методологический статус и вариативность понимания // *Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сборник науч. трудов / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2023. Вып. 5. С. 67–78.*

Павлов В. И., Павлова Л. В. Модификация правосубъектности человека под влиянием конвергентных технологий: проблема правовой идентификации эмбрионов in vitro // *Право.ру*. 2023. № 3. С. 99–108.

Пестрикова А. А. Преимущества и риски редактирования генома человека: правовой аспект // *Социальные новации и социальные науки*. 2022. № 4. С. 65–75.

Пестрикова А. А., Холопова Е. Н. Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения // *Правовое государство: теория и практика*. 2022. № 4. С. 47–53.

Петров К. А. Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // *Logos et Praxis*. 2019. № 4. С. 6–15.

Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2018. 423 с.

Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 6. С. 72–94.

Ростова Н. Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 463. С. 55–62.

Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография. М. : Проспект, 2022. 184 с.

Савина С. В. Процесс изменения психики человечества в процессе эволюции техногенной цивилизации: вопросы психолого-этических дилемм, созданных рядом имплантатов информационно-коммуникационных технологий // *Право и практика*. 2015. № 1. С. 125–134.

Сергеев Д. Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // *Российский юридический журнал. Электронное приложение*. 2019. № 5. С. 5–13.

Склеянова М. А., Бирюкова Н. В. Наиболее используемые методы редактирования генома человека и различные аспекты их применения в современной медицине // *The Scientific Heritage*. 2021. № 66. Р. 45–50.

Филатова А. А. DIY biology: переустанавливая границы науки // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 1. С. 56–77.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Весь мир, 2002. 143 с.

Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 227–231.*

Юмартон Д. А. Инклюзивность как основной принцип постгуманизма // *Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого*. 2021. № 4 (40). С. 109–122.

Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease // *Houston Journal of Health Law & Policy*. 2008. Vol. 8. P. 245–280.

Beers B. van. The Changing nature of law's natural person: the impact of emerging technologies on the legal concept of the person // *German Law Journal*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 559–594.

CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human triploid zygotes / Puping Liang, Yanwen Xu, Xiya Zhang [et al.] // *Protein Cell*. 2015. № 6. P. 363–372.

Rembis M. (Re)Defining disability in the «genetic age»: behavioral genetics, «new» eugenics and the future of impairment // *Disability & Society*. 2009. Vol. 24. No. 5. P. 585–597.

Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global view of bioethical and legal controversies / P. Frati, V. Fineschi, M. Di Sanzo [et al.] // *Human Reproduction Update*. 2017. № 23 (3). P. 338–357.

Schmeink L. Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society and Science Fiction. Liverpool : Liverpool University Press, 2016. 272 p.

Song L., Joly Y. After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms // *Medical Law International*. 2021. Vol. 21. Iss. 2. P. 174–192.

The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis / E. Turillazzi, P. Frati, F. P. Busardò [et al.] // *Medicine, Science and the Law*. 2015. № 55 (3). P. 194–200.

The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: «wrongful life» actions, a new frontier of medical responsibility / P. Frati, M. Gulino, E. Turillazzi [et al.] // *The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine*. 2014. № 27 (11). P. 1113–1117.

REFERENCES

Alekseeva IY, Arshinov VI. The Information Society and the NBICS revolution. Moscow: IF RAS Publ.; 2016. (In Russ.).

Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease. *Houston journal of health law & policy*. 2008;8:245-280.

Beers B van. The Chinese nature of law's natural pT impact of emerging technologies on the legal concept of the person. *German law Journal*. 2017;16(3):559-594.

Bogdanova EE. About the rights to human biomaterial. *Grazhdanskoe pravo*. 2019;4:28-32. (In Russ.).

Bogdanova EE. Correlation of private and public principles in the legal regulation of the use of genomic and assisted reproductive technologies. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;1(11):32-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046.

Filatova AA. DIY biology: Re-setting the Boundaries of science. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 2020;1:56-77. (In Russ.).

Frati P, Fineschi V, Di Sanzo M, La Russa R, Scopetti M, Severi FM, Turillazzi E. Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global view of bioethical and legal controversies. *Human Reproduction Update*. 2017;23(3):338-357.

Frati P, Gulino M, Turillazzi E, Zaami S, Fineschi V. The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: «wrongful life» actions, a new frontier of medical responsibility. *The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine*. 2014;27(11):1113-1117.

Genovese U, Lombardo K, Akulin IM, Chesnokova EA. Unwanted birth of a child in the Italian legal system: Between law and public consciousness. *Journal of Obstetrics and Women's Diseases [Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney]*. 2016;1:87-94. (In Russ.).

Grechkina EN. Transhumanism — the worldview of the 21st century or a civilizational threat to humanity. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015;8:34-37. (In Russ.).

Habermas J. The future of human nature: Towards a liberal eugenics? Translated from German by Khorkov ML. Moscow: Ves mir Publ.; 2002. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Technological plots of global development in the focus of legal doctrine. Global development: Problems of predictability and manageability. 19th International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019. St. Petersburg: SPbGUP; 2019. Pp. 227–231. (In Russ.).

Kravets IA. Anthropological bioconstitutionalism and constitutional bioethics: Prospects for the constitutionalization of biodiversity and Constitutional reform in 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;5:11-15. (In Russ.).

Kurzweil R, Grossman T. Transcend: Nine steps towards eternal life. Translated from English by Suslyakova A. 6th ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2020. (In Russ.).

Kuteynikov DL, Izhaev OA, Lebedev VA, Zenin SS. Regulation of interaction of an individual with autonomous technical devices: Legal regimes discussion. *Lex russica*. 2019;9(154):85-95. (In Russ.).

Lapaeva VV. Law and religion in the «Era of genomics»: Prospects for interaction. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;8:14-26. (In Russ.).

Lapaeva VV. Preimplantation and prenatal genetic diagnostics in the Russian Federation: Ethical and legal issues. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Legal Sciences Series]*. 2021;25(1):179-197. (In Russ.).

Lapaeva VV. The concept of improving Russian legislation regulating the development of research in the field of the human genome. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020;2:111-134. (In Russ.).

Liang P et al. CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human tripronuclear zygotes. *Protein Cell*. 2015;6:363-372.

Melnov SB, Mishatkina TV, Aizberg OR. «Human improvement» and neuroethics: Genome editing: The danger of stigmatization and stratification of society. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*. 2020;4(1):111-134. (In Russ.).

Pavlov VI, Pavlova LV. Modification of human legal personality under the influence of convergent technologies: The problem of legal identification of embryos in vitro. *Pravo.by*. 2023;3:99-108. (In Russ.).

Pavlov VI. The idea of social inclusion in legal discourse: Methodological status and variability of understanding. In: Chupris OI, editor. Dynamics of legal establishment and legal realization in the field of public law relations: Collection of scientific papers. National Center for Legislation and Legal Research. Republic of Belarus. Minsk: Kolograd Publ.; 2023. Issue 5. Pp. 67–78. (In Russ.).

Pestrikova AA, Kholopova EN. The risks of genetic editing of the human genome, taking into account the recommendations of the World Health Organization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;4:47-53. (In Russ.).

Pestrikova AA. Advantages and risks of human genome editing: Legal aspect. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki*. 2022;4:65-75. (In Russ.).

Petrov KA. The phenomenon of biohacking in the context of essentialist and constructivist concepts of science. *Logos et Praxis*. 2019;4:6-15. (In Russ.).

Popova OV. Biotechnological human engineering: Ethical and philosophical problems. Dr. Diss. (Philosophy). Moscow; 2018. (In Russ.).

Posadkova MV. The future is already here: On the constitutional nature of the reproductive right to have a child using assistive technologies. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. 2022;6:72-94. (In Russ.).

Pozdeeva EA, Melentyev AN, Russu ON, Korichko YuV, Davydova SA. Healthy lifestyle and biohacking: An analysis of concepts, components and basic principles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2022;477:191-200. (In Russ.).

Rembis M (Re)Defining disability in the «genetic age»: behavioral genetics, «new» eugenics and the future of impairment. *Disability & society*. 2009;24(5):585-597.

Rostova NN. Antihumanism: Overcoming humanism or its new version? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2021;463:55-62. (In Russ.).

Rostova NN. The soft power of posthumanism. What prevents us from thinking in Russian: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Savina SV. The process of changing the human psyche in the process of the evolution of man-made civilization: Issues of psychological and ethical dilemmas created by a number of implants of information and communication technologies. *Pravo i praktika*. 2015;1:125-134. (In Russ.).

Schmeink L. Biopunk dystopias: Genetic engineering, society and science fiction. Liverpool: Liverpool University Press; 2016.

Sergeev DN. Responsibility for manipulating the human genome (He Jiankui case). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. [electronic]. 2019;5:5-13. (In Russ.).

Skleinova MA, Biryukova NV. The most widely used methods of editing the human genome and various aspects of their application in modern medicine. *The Scientific Heritage*. 2021;66:45-50. (In Russ.).

Song L, Joly Y. After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*. 2021;21(2):174-192.

Turillazzi E, Frati P, Busardò FP, Gulino M, Fineschi V. The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis. *Medicine, Science and the Law*. 2015;55(3):194-200.

Yumartov DA. Inclusivity as the basic principle of posthumanism. *Gumanitarnye vedomosti TGPU imeni L.N. Tolstogo*. 2021;4(40):109-122. (In Russ.).

Zotov AV, Filipenko VA. Biohacking: Advantages, problems, prospects. Collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference of promising developments of young scientists: in 8 volumes. Vol. 4. Kursk: South-West State University Publ.; 2019. Pp. 389–393. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Вадим Иванович, кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
д. 1а, Берсона ул., г. Минск 220030, Республика Беларусь
vadim.i.pavlov@mail.ru

Павлова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
д. 1а, Берсона ул., г. Минск 220030, Республика Беларусь
paulava_lv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim I. Pavlov, Cand. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Department of Research in the field of State Construction and Information Law, Institute of Legal Studies, National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
vadim.i.pavlov@mail.ru

Lyudmila V. Pavlova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Secretary, National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
paulava_lv@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 января 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 18.11.2024.

Revised 14.01.2025.

Accepted 15.07.2025.